

Нечто подобное можно было бы осуществить и в мировом масштабе, если бы Голиафы не взращивали друг против друга пламенных Давидов, увеличивая число игроков на международной арене, что уже само по себе затрудняет возможность разделения сфер контроля, и, что еще хуже, увеличивая его за счет пассионариев, готовых ставить на карту даже собственную жизнь, не говоря уже о прочей человеческой плотьке.

Рано или поздно кто-то из сбросивших ярмо Давидов наконец сумеет-таки ввергнуть человечество в мировую войну, если, к счастью, немногочисленные и относительно рациональные Голиафы не осознают, что главную опасность для каждого из них представляют не другие Голиафы, которыми есть много что терять, а бесчисленные Давиды, которым терять, как им кажется, почти нечего. Если каждый Голиаф станет держать в узде своих отморожков и не подзуживать чужих, мир получит шанс на новую передышку.

Сегодня совершенно необходим новый Священный Союз Голиафов против Давидов: мир делится на Союзы национальных государств, каждый из которых на старых, хотя и не всегда добрых имперских принципах контролируется собственным рациональным Голиафом. Который помнит, что при всех его недовольствах другими Голиафами главной опасностью для него и всех остальных является националистическая или религиозная иррациональность.

Впрочем, почему «или»? Националистическая и есть религиозная.

К 100-летию А. Солженицына

Олег АЛИФАНОВ

СОЛЖЕНИЦЫН — НЕСВЫСОКА

К Солженицыну теперь принято относиться свысока.

Различаются две стадии: журишь по-сыновнему, мол, папка чуть сбрендил, и пинать по-взрослому, как хтоническое зло.

Это такой сейчас тон. Наплетались, утерлись и...

Есть стойкое ощущение, что славословили и хулят — одни и те же. Персоналий вспомнить невозможно, ибо имя паукам — легион, но ощущение такое, что «натерпелись! Воля!» Лев умер. Лапой повести некому.

Расстегнулись. «Вермонтский обком закрылся».

Внезапно выяснилось, что Солженицын-то — стукач, сумасшедший, сволочь и расист.

Выяснилось также, что так думали всегда.

Это пауки выясняли внутри себя. Сами с собой договорились, когда именно они «всегда так говорили».

Олег Владимирович Алифанов родился в 1967 году в Москве. В 1992 году окончил Московский инженерно-физический институт. С середины 1990-х публиковал в различных, в том числе «толстых», журналах и литературных сборниках статьи и эссе.

Да! Забыли мелочь-то! Писал он скверно. Премию получил политическую. Они — всегда политические.

А если поговорить только о качестве литературы?

Солженицын — крупнейший русский писатель второй половины XX века. Да и сейчас, в начале XXI, ему равных нет. Именно по качеству прозы. (Жлобы скажут, мол, Гулливер — обычный моряк. Поставь его среди людей — и... Жлобы по генезису, разумеется, лилипуты.)

Чтобы понять уровень Достоевского, надо прочесть пару крупных романов, Толстого — один из двух, Чехова — штук десять рассказов (достаточно три, но по инерции меньше не получится). Чтобы понять уровень Солженицына, необходимо и достаточно прочесть «Один...»

Уровень там феноменальный. Но остановиться на нем хочется не поэтому. Уровень у Солженицына везде запредельный, потому и непонятен: «слишком просто все», приходится объяснять «слишком простое». Урка Шарাপову, играющему этюд Шопена: «Это и я так могу». Не можешь, дурка. Все вышесказанное не значит, конечно, что у Солженицына нет слабых мест. Есть — и предостаточно. А остановлюсь я на «Иване Денисовиче» по нескольким причинам: это первая опубликованная вещь писателя; это короткая вещь, и в ней видно мастерство в высочайшей плотности; это чистая беллетристика; наконец, этот рассказ был напечатан легально, читали его и читают общедоступным способом все культурные люди с момента публикации. Для них и объясню то, чего они недопоняли.

Думается, что Солженицын и обиделся на интеллигенцию именно тогда. Прозвал «образованцы» (слышится как смесь «образины» и «оборванцы»). Ну что тут будешь делать: повесть читали все, хвалили многие, а не понял никто. Определили в гетто лагерной прозы. А потому считали — лагерным писателем. Обличителем культа личности. Критиком отдельных сторон... Но по пункту первому Шаламов, мол, правдивее. По второму Симонов лучше объяснил и т. д...

Обозлишься тут.

А повесть не о лагере, не о культе, не о вселенной. Солженицын писал ее, когда лагерь уже отменили, Сталин умер, а вселенной предсказали тепловой коллапс. Жив остался только Шухов. О нем и повесть. Лагерь — фон. Как «Титаник» в фильме «Титаник». Как Анна Каренина в романе «Анна Каренина».

Ключевые 32 слова из середины повести:

— *Иди, бригадир! Иди, ты там нужней!* — (Зовет Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он с бригадиром сравнялся. Не то чтоб думал так: «Вот я сравнялся», а просто чувствует так.)

В короткой повести трудно изобразить галерею персонажей, как они есть. Галерею архетипов напунктировать можно, а целостный ряд — задача архисложная. Тем более в прокрустовом ложе форм-фактора: «1 день». Солженицын изобразил четырех человек в их существенной полноте, так, что мы их воспринимаем людьми, а не образами: Шухов, бригадир, кавторанг, баптист. (Скажут, что там есть еще один необыкновенно странный тип неопределенной профессии (киношник-театрал), неопределенной национальности (грек-еврей-цыган) и чудовищно неопределенного имени (Цезарь-Маркович), но это не так. Этот вообще не человек. Он демон-искуситель из вечности Свидригайлова, он обитает в избе с пауками, внезапно появляется и исчезает, катализируя/карикутируя черты остальных персонажей. Ну, или Агасфер, если Мефистофель кому-то не нравится...) Подробно имеет смысл остановиться только на Шухове, остальные проявятся в процессе, ибо их полнота — полнота флюса.

Штука в том, что Шухов в разных пропорциях состоит из всех четырех личностей (сам Шухов, бригадир, кавторанг, баптист). Поэтому он выживает. Мы — ему насле-

дую. Не троим другим. В России чистые формы после 17-го не живут. Люди вообще редко вспоминают о том, что они потомки не дворян/крестьян, а — выживших. Вот черты Шухова (нас): мягкий, твердый, халявщик, трудяга, глупый, сметливый, честный, жуликоватый, трусливый, смелый, решительный, нерешительный, везучий, невезучий и т. д. Он не молится, и он однажды взмолится. Он нигде не христианин, а Бог призывает его. Шухов — сложный. Его сложность — второго порядка сравнительно с другими персонажами. Они сильнее, каждый по-своему. Они правильнее. Они чистые и холодные. Они — динозавры, он — млекопитающее. Мир будет принадлежать ему. Он теплый в мире айсбергов. Они прекраснее, но он симпатичнее.

Рассказ начинается с того, что Шухов захворал. А кончается тем, что исцеляется без лазарета. Исцеление — Господне чудо. Для Солженицына это очевидно. В жизни с ним это было. Как Достоевский казнь и эпилепсию, как Гоголь нос, тому исцеления он тянет красной нитью через свои тексты. В «Раковом...» в конце, в «Круге...» — в самом начале. У него это — Дар. Награда.

За что — автор и показывает между концом и началом. В середине.

Шухов — середина. Так САМ выбрал. Бригадир, понятно, царь и бог. Его — по имени-отчеству. Но и Шухова — по имени-отчеству. С самого заголовка — по имени-отчеству: Твардовский удачно исправил. Но и «Щ-854» — удачное название. Щ — индекс подводных лодок «Щука». Шухов как та лодка — везде пронырнет и отхватит хлеб насущный. На зоне Шухов шустрит, будто последний. На работе — первый, там уважаем. Там он бригадиру ровня. И так он тоже САМ выбрал. В процессе выравнивания кладки стены (кладут блоки оба) стена их отношений выравнивается. И:

— *Иди, бригадир! Иди, ты там нужней!* — (Зовет Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он с бригадиром сравнился. Не то чтоб думал так: «Вот я сравнился», а просто чувствует так.)

Но Шухов — не простая середина, — он верхний ее уровень. Поэтому с бригадиром, находящимся в самом низу лагерной аристократии, они иногда и могут идти рука об руку (в часы, когда бригадир становится просто работающим эком). Но Шухов в верхний слой не попадет, даже выйдя из лагеря, и это показано в рассуждениях, как он начнет жить через два года.

Даже на воле красильником (ковры по трафареткам на простынях рисовать, на самолетах летать, деньгу заколачивать, перейти в верхний слой) не хочет. И так он САМ выбрал. Вроде непонятно, а на самом деле понятно почему. У Шухова две профессии: гражданская — плотник, тюремная — каменщик. Иисус был плотником. Камень — Петр. Шухов держит ключи от рая для всей бригады, зарабатывая дополнительную пайку на всех. «*Кто работу крепко тянет, тот над соседями тоже вроде бригадира*». Командует Шухов и неистовым кавторангом — и не по имени-отчеству. Тот по миноносному голосу — царь, а так — овца на заклятие. Овцарь.

«— *Кавторанг, побыстрей! Кавторанг, шлакоблоков!*» А фамилия его — не Шлакоблоков, а Буйновский (а толку?), а имени у капитана еще нет или уже нет.

«— *Раствору!* — *орет Шухов через стенку*». (Голодный больной работяга, из крестьян, в плену доходил, кладку кладет, для всех кладет, на всех кладет. САМ выбрал.)

«— *Да-е-мо!* — *Павло кричит*». (Сытый помбригадир — бугор, бандеровец, людей изпод лесу стрелял, раствор месит. Не сам выбрал, подражает бригадиру.)

Но и внизу Шухову не быть. Не хочет. САМ — не хочет. Никогда он ничего не просит (ну, только раз — у небесных сил — железку чтоб не нашли), а ему дают за услуги: и колбаски, и печенки, и лишнюю пайку. И докурить. И по имени-отчеству при этом. А другим, как ни просят, не дают. Ни земные, ни...

Нападки на Солженицына сродни нападкам на Достоевского. Оба с кайлом в руках — в жизни и в литературе. Их ругатели тоже схожи — селфи на фоне.

Ввел это в практику Набоков. Его жеманная лекция о Достоевском пронизана лицемерием второй свежести. Тональность ее напоминает голубого воришку из «12 стульев».

Он пишет о Достоевском как о фрике, которого упоминать в приличном обществе стыдно, словно кто-то рыгнул и вдобавок попросил прощения. Но тихо — вроде можно.

Он тихо: «Тургенев прозвал его прыщом на носу русской литературы».

Вдобавок он грозился предать огласке какие-то злопамятные письма-прошения из крепости, в которой сидел писатель (писатель — Достоевский). И в которой комендантом служил дед Набокова. Эмигрант, получается, имел на Достоевского *компромат*, вывез его как *ценность*. Угрожал *предать* огласке... Что поделать, гены: внук генерал-вертухая, сын английского шпиона и пособника экстремистов (отца застрелили при покушении на Милюкова — идеолога и вдохновителя резни 1917+).

Набокова я вообще-то люблю. Но... «Человека можно и так повернуть, и так...» — Солженицын от лица Шухова.

А писатель Набоков прекрасный. Первый во втором ряду. Всю жизнь пытался пересечь.

Изящная словесность — это часть литературы. Но литературу она не образует. И в этом причина ревности Набокова. Пишу я лучше, а читают его. Это правда. Достоевский пронизан идеями и сюжетами. Третья составная часть литературы — изящная словесность у него в зачатке. У Набокова наоборот. Ну, как если бы ваяли они скульптуру «Чапаев». У Достоевского — композиция большая гранитная, издали — шедевр динамики: все скачет, пули летят. Вблизи — трещины, сколы от обуха, зад недоделан: топор раскололся. У Толстого вблизи все подчищено, издали — кони пасутся, из тачанки четыре разнополые ноги торчат. Василияныч в траве навзничь в небо глядит. Набор инструментов — резцы профессиональные, использованные. У Набокова — остро отполированный комплект. — А где «Чапаев»? — «Утонул».

Но Набоков — мировая величина. И Достоевский — мировая величина.

Но и Солженицын — мировая величина. Играет с пауками на вечность.

А те, кто?..

«Искусство — это не что, а как» (Солженицын. «Один день...»). Но литература — искусство специфическое, сродни науке.

Осталось два года. Иван Денисович сам ведет игру. Бескозырка. Ни хорошо, ни плохо. Полет нормальный. Точнее, плавание ПЛ «Щ-854» проекта «Шухов».

«От хорошего дня развеселился Шухов, даже и спать вроде не хочется. Слава тебе, Господи, еще один день прошел. (Евангелие: «...не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны».)

Услышал Алешка (не фарисей, но книжник, начетчик), как Шухов вслух Бога похвалил, и обернулся.

— Ведь вот, Иван Денисович, душа-то ваша просится Богу молиться. Почему ж вы ей воли не даете, а?

Покосился Шухов на Алешку. Глаза, как свечки две, теплятся. Вздохнул.

— Потому, Алешка, что молитвы те, как заявления, или не доходят, или „в жалобе отказать“».

Шухов не жалуется.

Солженицыну не отказано.